

Илья Уткин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СИНИХ КОСМОНАВТИКОВ

История одного запоя

Илья Уткин

**Приключения Синих
Космонавтиков.
История одного запоя**

«Издательские решения»

Уткин И. С.

Приключения Синих Космонавтиков. История одного запоя /
И. С. Уткин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857785-7

Санкт-петербургский писатель Илья Уткин не новичок в литературе, но публиковать свои книги он начал совсем недавно. Его первый большой роман — про «Синих Космонавтиков» — повествует о судьбе человека, чья тяжелая алкогольная зависимость заставляет его пройти через череду невероятных испытаний, чтобы в конце найти спасительный выход из казалось бы совершенно безнадежного положения, в которое он попадает, будучи не в силах самостоятельно бороться со своим смертельным недугом. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-857785-7

© Уткин И. С.
© Издательские решения

Приключения Синих Космонавтиков

История одного запоя

Илья Сергеевич Уткин

Дизайнер обложки Татьяна Михайловна Раецкая

© Илья Сергеевич Уткин, 2018

© Татьяна Михайловна Раецкая, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-7785-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сразу признаюсь, ребята: к настоящей космонавтике, как к науке, или как к полевой работе на станции «Мир», например, я не имею абсолютно никакого отношения. Здесь эта тема проходит аллегорически, по причине, о которой я расскажу вам чуть ниже.

Однако я всерьез надеюсь, что второе название моей истории привлечет и заинтересует именно тех, для кого слово «запой» звучит не просто знакомо – но знакомо до боли и слез, и книга станет так или иначе близка каждому, кто хоть раз попадал под синие жернова одной из самых страшных и убийственных мельниц этого мира.

Я должен был сдохнуть примерно восемнадцать раз, из них семнадцать раз я мог сдохнуть безобразно и нелепо. Не получилось – я выжил. Наверное, это было нужно для того, чтобы я решился об этом написать. И я это сделал, ведь я понимал, что никто из тех, кого я знал, с кем вместе корчился и извивался под безжалостными синими колесами, уже не сможет подать свой голос. Они уже в мире ином, их больше нет на Земле, даже их тел – Космос забрал их навсегда. Остался только я. И эта книга, которую я писал не забавы ради. Я стал другим, я эволюционировал, и на своем новом витке развития я обнаружил подходящий момент и место, чтобы сбросить отработанную ступень своего опыта в надежде на то, что в таком, пересказанном виде, этот опыт поможет кому-либо сохранить хотя бы толику драгоценного здравомыслия.

Предупреждение: ненормативная лексика!

1

Я очнулся ранним утром в начале прошлого лета на самом пике белых, однако, как часто бывает у нас – не таких уж светлых петербургских ночей, и поначалу я даже в мыслях не держал что-либо предпринимать, моргать, дышать, шевелиться в полумраке не пойми-пока-чего, менять – не приведи Господи, позу или покидать свой диван, на котором я возлежал в одном надетом на левую ногу ботинке да еще перемотанный крест-накрест с груди на живот жгутом старого каячного кипера, но... я сразу сделал вот что: я протянул руку, тяжелую, будто из сырого дерева, и нащупал на подоконнике огрызок цветного карандаша: мне надо было немедленно записать Сообщение огромной важности! Сделать это срочно и во что бы то ни стало, невзирая на подкрадывающихся рептилий, на недремлющих химер, на подступающее удушье – пока в памяти оставались хоть какие-то фрагменты нового Послания миру: ценнейшая информация, последнее предупреждение. человечеству, уникальные кадры, заснятые на самом излете моего вещего сна, да, они все у меня теперь – вещие, зловещие, и с каждым сутками все больше и больше похожие на реальность, хоть и запредельно фантазмагорическую.

Ясно было, конечно, с самого начала, что это было чистой воды наваждением, кстати, как и сама эта чистая вода, здесь я – немножко про другое наваждение – про тот вожденный глоточек, капельку, на которую я уже сутки косился, облизывался и скрипел зубами: а вдруг, коли сказочно повезет... ежели она заснет, зазеваается: щелк! – ловко, по-паучьи выстрелить в нее своим сухим языком и – ам! – втянуть ее в обезвоженную глотку, эти остатки давным-давно потраченных корабельных НЗ.

Я часто замечал этот волшебный шарик парящим то тут, то там – поблескивающим в пятнах неверного утреннего света, хоронящимся в пыльных сумерках под потолком, поди вообще разгляди в узком пространстве кабины эту крошечную хрустальную планетку, которой я даже и название придумать не догадался... и я все пытался ловить ее – рукой, петлей ленты, стаканом. Однажды я все же схватил ее – да не рассчитал силу, – думал – горсткой, а получилось кулаком, да так грубо и неосторожно, что хрупкий радужный огонек мигнул прощально и разлетелся на сотни молекул H₂O, микроскопических бисеринок, по отдельности не способных напоить даже моих полуживых тараканов – а у меня на Володи Ермака и тараканы были тоже.

Тараканы... Нет, я не об этом... Меня, как я уже упомянул, пробудило наваждение иного рода. Вероятно, мне такой сон приснился, и явился мне призрак Пушкина или Горького, или Сэлинджера какого-нибудь. Почему, собственно, нет? Иногда под утро с «бодуна» я такие фильмы смотрю – вы просто закачаетесь! Спилберг будет отдыхать, Камерон и Кубрик, и Бертон – этот уж точно... Однако, Пушкин – Пушкиным, а моих сил хватило ровно лишь на то, чтобы понять, что карандаш совсем не пишет – и слава Богу, потому что я пытался карябать на обложке моего замызганного паспорта, валявшегося там же, у окна, и что мне по-прежнему так хреново, что я даже не в состоянии придать своему телу сидячее положение. Я не пил водку уже, наверное, часов двадцать, твердо намереваясь выйти «на зубах», однако, на фоне привычной похмельной тоски мне вдруг послышался далекий зов, музыка ветра, вдохнувшая в меня слабое предчувствие грядущих перемен в сюжете моей агонической трагедии. В мутном, горьком, как разбавленный водой одеколон, пространстве внутри моего шлема проскочила тень Мельпомены, былой творческой тяги – импульсивной, как эрекция. Когда-то давно, в пору юности, все так и начиналось: эрекция вызывала вдохновение, а вдохновение – эрекцию – мучительную, неистребимую, с жаром в теле и шумом в ушах, так что приходилось вручную снимать напряжение, иногда по несколько раз в день.

Кстати, раз уж я обратился к прошлому – я вернусь на минутку к началу: как я родился. Я родился в апреле за неделю до запуска первого человека на орбиту нашей планеты.

«Орбита», если еще помните – это было известное гадюшное кафе на Большом Петроградской Стороны, где мне однажды едва не оторвали ухо. Причем – в День Космонавтиков, через неделю и восемнадцать лет с того момента, как я появился на свет. До этого злополучного дня я еще не на шутку надеялся связать свою жизнь с полетами в другие миры. Я грезил Космосом и болел научной фантастикой, читал все, что мог найти в библиотеках, знал наизусть все фильмы по теме. Я часто представлял, что мое тело – это некий секретный звездолет, и когда я шел по улице – я, в действительности, барражировал в просторах Вселенной и сам себе из центра управления отдавал различные команды. Прохожие – все были астероидами или вражескими кораблями, и мне нужно было с ними разминуться, предотвратить столкновение с каждым, кто двигался навстречу.

Но это – в детстве, в юности. Когда я подросток, и суетные земные дела безжалостно утянули меня прочь от космических сюжетов, мечта моя вдруг потихоньку стала сбываться, правда, несколько иным образом, и в свое последнее большое путешествие на синем корабле я отправился уже серьезно подготовленным, полностью экипированным высококвалифицированным алконавтом.

Значительная часть моего бестолкового пребывания здесь, на Земле, была позади, и опыта борьбы со своим пристрастием я имел несравнимо больше, чем у кого-либо из всех

моих прежних друзей и собутыльников. И вместе с тем на этот раз все протекало куда хуже и тяжелее, глубже, безобразнее и даже как будто против правил. Что я имею в виду? Сорваться в штопор в студенческие годы или, например, чуть позже, когда мы – по крайней мере, многие из нас, еще не начали нормально зарабатывать, всегда мешала примитивная нехватка денег. Побузив день-два и собрав пустые бутылки, мы шли к ларькам отпиваться разливным пивом и затем неизменно возвращались к своим обязанностям – учебным или трудовым...

А зато сейчас запой можно спланировать, как отпуск. Со всеми детальными расчетами затрат, включая стоимость финальной капельницы. Новые правила теперь так и звучат: погулял – в клинику. Скатился с горочки – наверх саночки. Как-то раз я даже брал кредит в банке под расписанный заранее загул! Но теперь, пытаюсь разобраться, что же именно пошло не так, почему мои саночки поехали не туда, как их вынесло на «черный» склон, я впервые задумался о том, кто же на самом деле дергает за нитки, пришитые к моей отчаянной заднице: тот, кто пришивал или тот, кто все время пытается их оторвать, отрезать, отгрызть – то есть, я сам?

Вопрос этот, насколько я помню, в разной форме вставал передо мной каждый раз, когда я размышлял о свободе своей воли и прочих философских вещах, возвращаясь оттуда, где нет никаких ниток, а только мириады холодных звезд и головокружительная невесомость. В том ли мое предназначение, чтобы вновь и вновь мчаться в синее безмолвие – с криво разинутым ртом, вверх тормашками, в одном ботинке, в обоссанных штанах, может ли человек, рожденный для космических полетов, быть счастливым, имея семью, работая флористом или школьным учителем и культурно выпивая по праздникам дома у включенного телевизора? Теперь я думаю, что моя борьба была напрасна, и мои сожаления были излишни, и в большинстве случаев, в условиях изолированности моей безумной воли от меня не зависело ровным счетом *ни шиша*. Хотя и возникало ощущение, что я сам управляю своей жизнью и могу повернуть, когда и куда хочу. К месту на ум приходит одна старая история, в которой я опоздал на поезд, и меня подобрал другой, когда мой случайный попутчик на переезде под Киришами вышел на пути и «проголосовал» поллитровкой. У него в сумке тогда нашли еще три таких же, и до Ленинграда я доехал живым только потому, что их было не пять или восемь. О, мне дали «порулить» и погудеть, сколько душа просила! Временами мне чудится, что я – все еще там – в той кабине, мчусь, распугивая людей и животных трубой иерихонской, молодой, шальной, восторженный... сумасшедший.

Еще что хочу отметить: первый стаканчик после перерыва – пресловутая «первая рюмка» – в нем всегда есть что-то ковбойское! Да, у меня на корабле в помине нет никакой рюмки, а есть небольшой стаканчик. И начинаю я чаще не с водки, а с виски – наверное, таким же дрянным, как на том же Диком Западе. Хорош был бы револьвер, брошенный тут же, на столе, и серая от пыли шляпа *wool felt*. Но... эйфория и душевное возбуждение не длятся долго. Менее, чем через час все оборачивается серьезным *делом*. Как точно подмечал Довлатов, появляется цель, и все остальное становится лишним.

А к самому концу дня, если не повезет полностью слететь с чертовых катушек, приходит и наваливается такая тоска и такая жалость к самому себе, и такая беспомощность, что с этого момента мое состояние все больше напоминает тотальную капитуляцию организма перед инфекцией, вирусом гриппа: вжух! – и ты в постели, в соплях и в лихорадке. Пусть говорят, что пьянство – это заболевание воли, порок ленивых, распущенных, самовлюбленных эгоистов. Все, конечно, так и есть. Только вирус тоже не разит кого попало, а выбирает людишек проблемных, ослабленных, плохо подготовленных к сопротивлению. Вроде меня.

Что же произошло на этот раз? Что явилось толчком, спихнувшим меня на орбиту, а потом дальше, и дальше в еще не исследованные отроги Вселенной? Известная жадина «Глобал Фармасьютикалс», которая неожиданно щедро выплатила кучу денег за серию рекламных статей, набитых мною в самый дедлайн двумя пальцами на полумертвом ноутбуке в туалете, в перерывах между приступами жестокого пост-абстинентного блева. Клавиши «х», «ж», «э»,

«ю» и «ъ», а еще и «Enter» я залил чем-то липким, и они не работали. Это бы и ничего, ерунда, но еще западала «с»...

Халявные деньги упали частью на мой личный счет в банке, другую половину я получил на руки, это меня и погубило... Оказались бы они все сразу в одном месте, возможно, не захотелось бы тратить так быстро и бездумно. Что-то следовало бы отправить жене, заплатить по счетам за квартиру... Но это было еще не все. На карточку с почти годовым опозданием мешком свалился гонорар за перевод «Слепого банкира». А теперь – попробуй не запей! И ведь я прекрасно понимал, что мне противопоказано даже думать о больших межгалактических путешествиях!

Логичнее было бы просто отложить, сколько необходимо, и надраться, купить водки и еды и надраться один раз как следует. Но я приобрел бутылку «элитного» коньяка за пять тысяч – вот и билет на синий «Шаттл»!

Еще одна байка из времен, когда я еще мог – но уже с заметной натяжкой, походить на нормального бюргера (жена, ребенок, машина): жил у нас сосед – Александр, который почти каждый месяц приходил занимать небольшую сумму, рублей пятьдесят. Фактически, это была дань, а мне было стыдно отказывать – ну, действительно, что такое полтинник в месяц? Человек же просит, вежливо. А то, что врет при этом – так это ерунда. Он же – чистое дитя! Спрячется и бухает потихоньку, добрый, безвредный, ангел во плоти, только без крыльев. Вот и внутри меня как будто сидит такое существо, маленький космонавт, и я слышу его трогательный голосок: дяденька командир, миленький, давай полетаем, давай накатим чего-нибудь вкусненького? Ну, пожалуйста! Ведь на этот-то раз – ну точно все будет четко, гладенько, культурненько!

Верил ли я этому голосу? Смешно, конечно, нет. Нелепо думать, наступая на грабли в пятисотый раз, что ручка сделана из поролона. Но – я быстро сдавался, я «таял» от умиления – и тогда в моей голове собирался короткий совет... скажем, некоторых ее обитателей – для принятия окончательного решения: пить или не пить, а если пить – а пить однозначно! – то – как срочно и на что. Совет расходился, космонавт радовался, и в моей душе на время воцарялась знакомая туповато-серьезная целеустремленность, и мир вокруг наполнялся мелодиями космической романтики...

В то далекое июньское утро я так же мог услышать знакомое: «дяденька!...», я, признаться, даже и хотел это услышать, чтобы слабое течение моей никчемной жизни хоть как-то строило и повлекло куда-нибудь мое безвольное тело, но – возможности мои явно приблизились к последнему пределу, да и сам мой маленький друг, вероятно, уже налетался до полной тошноты. И я придумал повторять, как мантру: я больше не пью! Господи! Я. Больше. Не пью! Все, все, теперь точно и бесповоротно – если выкарабкаюсь – брошу навеки! И пусть эти фразы переводились в чувства с прямо противоположным смыслом, пусть эти слова я прежде произносил сотни раз – это было неважно. Важно было выиграть время. Точнее – обыграть. Никак нельзя было допустить его полной остановки!

Совсем недавно, в беседе с «нормальными», не пьющими людьми я столкнулся с такой задачей: какими средствами, примерами, образами можно описать абстинентный синдром запойного алкоголика – не тривиальный бодунчик, добреньким домашним доктором приходящий после разовых «посиделок» с друзьями – состояние легкое, дурашливое, быстро излечиваемое огуречным рассолом или крепким чаем, а то умопомрачительное балансирование между жизнью и смертью, зависание над пропастью дантовского ада, которое испытывает тело и мозг, отравленные многодневным употреблением спиртного, вводимого в организм без еды, вместо еды. Глубину нравственных мучений – вину перед близкими, страх перед увольнением, стыд перед теми, кто был свидетелем твоих диких, непростительных выходок, сожаление о потраченном, проданном за бесценок – надо умножить на десять. Физическое недомогание – лихорадку, озноб, головную боль, сердечные кульбиты, асфиксию, обезвоживание и тошноту – как

при температуре за сорок – умножить на двадцать. И все это растянуть во времени: секунда – за минуту, минута – за час.

И на этот раз все было почти так же – за исключением того, что все было гораздо хуже, страшнее, больнее, тоскливее, безумнее. Но – благодаря ли хорошей погоде за иллюминатором или многозначительным послевкусием дивного сна, мне мерещилось, будто где-то там, в заоблачной канцелярии, некой благой долготерпимой персоной на мое имя подписан еще один милосердный циркуляр, и я получил шанс, надежду, и нужно было хотя бы встать и хоть куда-нибудь пойти...

Подворачивался старый проверенный способ, как облегчить страдания и пережить невыносимую пытку минутами, навечно застывшими мезозойскими мухами в рыжем янтаре летнего солнца – способ технически несложный, но при этом болезненно радикальный: так называемая «тупая нарезка». То есть, надо тупо выходить из корабля прямо на улицу и тупо нарезать куда попало, кругами, часами, до полного, тупого изнеможения. Так, вроде, начинает понемногу, тупо отпускать...

Сначала нужно подготовиться, отключить себя от систем бортового жизнеобеспечения, найти и одеть что-то земное, то, что было частично снято перед полетом. Может, еще сходить в туалет. Почки действуют плохо, не совсем понятно, хочется или нет. Тошнит с хрипом, с воплями. Голова кружится так, будто не помнит, где раньше было место соединения с шеей. Все тело трепещет, пронизанное нехорошей дрожью и ознобом – тело жестоко отравлено, на сердце – панический страх. Уже кажется совершенно абсурдным недавний порыв записать что-то при помощи карандаша, хотя, если откровенно – что касается, например, мемуаров, это была моя давняя идея *fixe*.

Однажды в погоне за музой я отправился на чужую дачу, в пустую холодную избу с мышами на окраине псковской деревни Малые Ляды. То был октябрь какого-то года, чудесная, «болдинская», то есть, на самом деле, *лядская* такая осень, с проливными дождями и грязью по колено. На второй день я с замиранием сердца, как в бездонную яму сорвался в смертельное пики.

Мне говорили потом, что, на самом деле, был уже такой рассказ у другого писателя – о том, что один писатель (скорее всего, сам автор) приезжает в глухомань сочинять роман и – тыдыщ! Все туда же – в кроличью нору, в синюю червоточину! Я про это не читал, зато, получается, повторил его сюжет своей собственной историей. Историей не вполне книжной: я только пил сутками, не мог есть и топить печь, испытал встречу с «белкой», унижался-побирался по соседям, сдался родственникам, закончил мытарства в больнице.

Справедливости ради замечу, что кое-какие достижения при всем при этом у меня таки имелись. Пытаясь зарабатывать литературными «халтурками», статьями и переводами, я еще сумел издать два сборника рассказов, хотя не особо продаваемых. Что же касается более серьезных вещей... исторические события никогда не цепляли моего интереса, все эти пыльные музейные, антикварные экспонаты и *якобы* факты – особенно до золотого 19-го века, мне были полностью до фонаря, а иногда – так и вовсе неприятны: читаешь – и будто гуляешь по кладбищу. Современную жизнь я находил чуждой, почти враждебной, она раздражала и пугала меня своей шумной суетой, жестокой, бескомпромиссной, бессмысленной дарвинистской соревновательностью. Теперь я понимаю: исследовать прошлое мне не позволяла лень (в архивах копать?) и отвращение ко всему мертвому, а настоящего я просто боялся страхом вечно виноватого пьяницы-изгоя. Потому и лез в фантастику – там куда ни глянь везде про будущее...

Сейчас уже я не возьмусь определить степень той пытки, той глубины отчаяния и обреченности, навалившихся на меня в тот июньский день. Так устроена память – она вырезает «плохие» кадры и склеивает фильм согласно собственной режиссерской версии. Этот неуто-

мимый подспудный монтаж делает прошлую жизнь – даже самую гадкую, одним большим развеселым свадебным видеороликом.

А ведь тогда, сказать по правде, мне было очень, очень, мягко выражаясь, нехорошо. Никогда прежде я не проводил на орбитальной станции столько времени один-на-один со звездами и космическими голосами в моей голове – больше двух месяцев, покидая корабль лишь иногда по ночам, чтобы пополнять свои запасы, почти что тайно, всегда в одно и то же время, в одно и то же место (благо, не более 30 метров), на длину страховочного троса – но я все-таки сумел выпрямиться, встать, найти и влезть ногой во второй ботинок, отыскать ключ и повернуть его в замке. Увы, тогда я даже и не подозревал, что спустя четверть часа меня, как сухой листик, подхватит и унесет с собой вихрь нелепых, опасных, трагических событий.

2

Возвращения из синих командировок назад в любую из версий условно реального мира – всегда шокируют. Я помню один фильм, где герои так убедительно корчились в муках, проходя через какие-то пространственно-временные континуумы – вот, наверное, те же самые ощущения! Испытания на прочность начинаются уже с карантинного тамбура, с потоком зловонного сквозняка, врывающимся извне навстречу.

А снаружи – все так, как будто прошел не месяц, а года четыре.

Люди на улице – совершенно незнакомое племя. Они – другие, чужие, они в своем мире, где мне еще предстоит найти свое место, найти – или вернуться назад, но не на Землю, горячо любимую планету моего детства, ее я потерял безвозвратно, а обратно в свой постылый звездолет с тараканами.

Взгляды коренных обитателей нового мира выражают безучастность и брезгливое превосходство. Некоторые – поглядывают искоса, хитровато, словно знают обо мне все – кто я такой, откуда, что я делал, и что я пропустил.

Иные прут в меня тараном, склонив лбы, как будто они не видят меня, как будто я – невидимка. Мне приходится обходить их по газонам, по дворам.

Я весь дрожу, несмотря на то, что жжет солнце, слепя глаза. Я бы наверняка потел, как в бане, если бы не высушился так от отсутствия влаги в теле.

Каждый шаг дается с трудом, ноги подкашиваются и заплетаются. Болит грудь от бесплодной рвоты и непрекращающейся изжоги. Но я знаю – надо двигаться вопреки всему, и желательно почаще менять направление.

Так я описал первый круг, ноги привели меня обратно к дому, к кораблю. Нет, теперь надо заставить их унести меня дальше. Туда, к верфям, на Лоцманскую, потом к речке Пряжке...

Я обращался к Господу. Не молился – причитал. «Господи, что же это? Господи, за что?» «Господи, я сдохну сейчас!» Сдохнуть не получалось, Господь не отвечал, и я плыл дальше, опустив голову, сцепив трясущиеся пальцы – как будто весь под водой, отталкиваясь от дна – мостовой, но не всегда его чувствуя. «О, беда-то какая, Господи...»

Еще беда – молоденькие девушки. Особенно в такую жару – полуодетые, расслабленные. Прекрасные, грациозные, недоступные. Попалась даже рыженькая, в миниатюрных джинсовых шортиках – но далековато и со спины... Эх... уныние и зависть вызывают во мне, в презренном пьянчуге, хорошенькие женщины и дорогие авто, принадлежащие тем, кто менее достоин ими обладать... А, впрочем, какие уж тут автомобили...

Автомобили будили во мне и другие чувства. Звуки, которые они издавали, буквально распиливали мою голову пополам. Слишком громко, чересчур много. Они рычали и дымили, агрессивно лезли на пешеходную зону. Вот огромный черный «Хаммер», обвешанный гирляндами паровозных прожекторов, как танк – уверенно и нагло перевалил через поребрик прямо

передо мной и, едва на меня не наехав, затормозил – резко, будто на столб налетел, и вдруг выпустил в меня такой оглушительный рев – через рупор, явно переставленный с пожарной машины, – что я едва жив шарахнулся на спину в паническом ужасе! Кто-то меня поддержал в моем падении – какой-то дедок, на которого я не успел даже толком отвлечься, как меня грубо дернули и развернули в обратную сторону.

Надо мной нависал довольно крупный мужик brutального вида со свирепым выражением на толстой, хорошо раскормленной морде.

– Слышь, ты, землемер хренов! Ты видишь, люди паркуются? Хули ты в мой буфер вбился? Стой ровно, бля!

Это был запредельный, окончательный коллапс. Мой разум драпанул от меня с такой отчаянной прытью, что едва не выдернул вон мою трусоватую душонку! За ним прыгнуло, легко разорвав перикард, мое измученное сердце, а вслед бурливо заторопились органы из брюшной полости...

Такое невероятное потрясение вызвал во мне даже не сам злобный бандит, жестоко вцепившийся в мое тряпичное горло, но леденящая душу мысль – о том, что недавний прыжок назад через синий портал перенес меня в какой-то совсем неправильный параллельный мир.

– Чё, приссал? – злодей неожиданно отпустил мою футболку и широко улыбнулся. – А как меня развести хотел у Ленки Рыжковой, кавторангом прикинулся – забыл?

Я охнул и задохнулся – так, словно меня продолжали душить и теперь уже задушили до конца. Все поплыло и защипало у меня в глазах, подогнулись колени. Мужик схватил меня – на этот раз куда бережнее, оторвал от земли и прижал к себе, как ребенка. В этот момент я еще больше засомневался в том, что происходящему можно доверять хотя бы из элементарного уважения к святой непогрешимости математической модели Вселенной.

Это был Леха, тот самый Леха Семенов (имя реальное!), хулиган, изобретатель, пироман, музыкант, замечательный человек из моей юности-молодости, который помнился мне совсем другим – стройным, подвижным красавцем, сильным, широкоплечим, да, но уж не таким громадным, как этот вышибала со свернутым носом и широкой золотой цепью на жирной шее. Вот только глаза – все те же насмешливые васильковые, чуть навывкате, и голос... Нет, даже не сам голос, который стал низким и хриплым, но те же типичные Лехины интонации!

Мой одноклассник и лучший друг Семенов Леха по кличке «Дипапл» в школе слыл одним из самых отчаянных разгильдяев. Его боялись и боготворили все наши ребята, и все искали с ним дружбы, но ближе всех к нему оказался я, хотя уже и не скажу, почему так сложилось. Мы учились в параллельных классах, но где-то на седьмом году нас вдруг как будто магнитом потянуло навстречу – и на школьных переменках мы бежали и обнимались – но не как геи (мы и слов таких не знали тогда), а, скорее, как братаны-гангстеры из фильмов Квентина Тарантино, которые мы смотрели двадцать лет спустя.

Я заканчивал десятилетку, Леха ушел в техникум, но мы по-прежнему оставались не разлей вода и виделись почти каждый день. А сколько приключений у нас было потом – в студенческие годы и позже!

Отдаляться друг от друга мы стали только в девяностые. Леха открывал кооперативы и гонял тачки из Европы, связался с опасными партнерами. В 92-м его подстрелили, и я носил ему в больничку апельсины и спирт «Рояль». А потом у меня образовался новый круг друзей по интересам: горы, байдарки и прочая романтика, я женился, работал в Москве и даже – с легкой руки своего первого тестя – за границей, в Швеции. Еще я лечился от запоев, разводился, писал книжки, садился на иглу, мучил мелкий бизнес, терял все, уходил в монастырь и опять женился... Какое-то время Леха был на периферии моего внимания, я знал, что он жив, что он где-то есть, и иногда до меня долетали обрывки легенд о его подвигах... Я скучал по нему и местами даже очень сильно. Но у меня было много дел, уйма всевозможных забот и проблем. Как так вышло, что вдруг накрутились годы, и мы совсем забыли друг друга?

А сейчас передо мной в полуподвальчике местного бистро, куда мы сразу, не стовариваясь, ввалились после нашей неожиданной встречи, сидел, небрежно развалившись на детском стульчике, грузный пятидесятилетний, заметно лысеющий господин в хорошем светлом костюме и рубашке а-ля шоу бизнес с расшитым воротом, похожий уже больше – несмотря на цепь и перстни, и золотой зуб – не на бандюка, а на успешного столичного продюсера, охотника за юными дарованиями, богатенького дядюшку, пьяненького и доброго.

Не могу сказать, что я испытал большую радость от встречи со своим старым другом. Не сразу. Довольно долго меня не отпускал трясун, я как будто все никак не мог поверить в реальность произошедшего, паниковал и холодел при мысли о том, что Леха *этот* – все-то не тот, не настоящий, и, выманив меня в свой мир, подстроив сцену с наездом, *он* втягивает меня в какую-то жуткую бесовскую игру – например, чтобы легко, шутя, безо всяких сделок и условий прикарманить мою растерзанную душу, едва цеплявшуюся за донельзя ослабевшее тело. А затем на смену страху пришел стыд, со стыдом – зависть, жалость к себе, раздражение и даже злость.

– Слушай, как я рад тебя видеть, – бормотал я, пряча глаза.

– Я-то тебя видел! – весело бил по колену Леха Дипапл.

– Где?!

– А по ящику тебя показывали – букера тебе вручали. Важный, блядь, такой!

– Да что ты! Какого «Букера»?.. («Ох, сейчас ведь помру!..») Объявляли, наверное, номинантов на бестселлер – и то – ничего я там не взял, да и народу там было нашего... толпища! («Точно помру...») Как ты меня разглядел? Да еще на таком канале, в девять утра... Ты прикалываешься? Леша... А ты чем занимаешься? Бизнесом?

Голос мой тоже дрожал и срывался на сип. Сидеть мне было нельзя, мне надо было *нарезать*! Встать, уйти? Но как же, это же, скорее всего, и вправду, он самый и есть – мой закадычный, мой единственный на все прошлые времена друг Семенов!

– Такой план, брателло...

Семенов взмахнул своей ручищей в воздухе, потом опустил ее в карман и вытащил телефон.

– Я делаю звонки и гашу все договоренности. Потом – грузим *Гленфиддик*, прыгаем в мой трактор и чешем к морю.

– В Ялту? – вырвалось у меня.

– До Ялты на краденном джипе не доедем... С трупакон в багажнике. Да шучу я!

Леха звучно расхохотался – мне показалось даже, на соседних столиках что-то зазвенело.

– Ну че, два-ноль? Смотри: есть у нас в Репино домишко, живет в нем человек такой ништяковый, пьющий татарин. Море, сауна, бассейн, девчонки, все, как мы с тобой рисовали! Второй день на проводе висит, поляну держит.

У меня прыгнуло сердце, и обмякла улыбка.

– Слушай, Леш... я ведь сейчас... не пью. Совсем.

Семенов удивленно поднял брови.

– Да? А чего? Язва? Триппак? «Торпеда»? Подшился?

Я горько усмехнулся:

– Меня подшивать – ниток не хватит...

«Дяденька...»

Кто это сказал?

К нам подошла официантка. Новенькая, с пухлыми веснушчатými щечками. Передник – как будто на всем голом, вместо юбочки. На груди пуговичка расстегнута... О, нет, еще и это!..

– Молодые люди, что заказываем?

– А я хотел накатить с тобой за встречу, – сказал мне Леха, – по такому-то случаю!

– Леша, ты пей! Пей, я с тобой так – мысленно.

– Ну, давай мне для начала рюмку водки! – распорядился Семенов. – Соленый огурец и борщ! Ты жрать будешь? Тоже нет?

– Есть закуска с огурцами «Пикантная», – сказала официантка. – Водку какую – «Путинка», «Финляндия»?

– Давай финскую, двести.

– А вам?

– Сок, – сказал я поспешно, чувствуя, как у меня потеет спина. – Яблочный. Нет, лучше воду, без газа.

– Ну, че за херня с тобой, старик? – наконец, поинтересовался Леха участливо, когда девушка отошла, приняв заказ. – Видуха у тебя, конечно... Я тебя, правда, порядочно не видел. Случилось-то что?

«Сейчас помру», – подумал я опять.

– Леха, у меня были запои. Я сегодня только вылез... я туда обратно не хочу... Я вообще думаю – еще один такой вояж – и мне крышка, я покойник. А может, и без того – крышка, прямо сегодня.

Я вытер салфеткой мокрый лоб.

– Запой. – повторил Семенов. – У меня, кстати, тоже были запои. Такое, братан, было... Я как-то затащил домой ящиков шесть... хавчиком, правда, тоже изрядно затарился... А! Все хуйня, дружище, хули теперь вспоминать. Если решил соскочить – молодец! Вообще молодец – если что-то решил и что-то делаешь. Хотя бы наклоны по утрам (это я уже про себя). Или, наоборот – решил не делать никаких долбанных наклонов! Решил – как отрезал! Вот так, пацански!

Лехин кулак просвистел перед самым моим носом.

– Бухал-то один? В компании?

– Да откуда сейчас взять компанию, Леша? Все компании уже лет десять, как кончились. А если б и пил в компании – они бы все на работу потопали, а я бы так и барабанил дальше.

Леха хитро улыбнулся:

– А если никому на работу не надо? Ты вообще в курсах, какая сейчас дата? Завтра длинные входные начинаются – День Независимости!

– У меня каждый день такая независимость. Нет, Леша, я понял, куда ты клонишь. Три дня – смешно. А больше – опять лететь в космос. Я больше не выдержу. Ты знаешь, что такое «белка «Семь Дэ»? Вот у меня была недавно.

Принесли суп, воду, графинчик и салат. Я отвернулся, чтобы не видеть графинчик. Горло опять свела изжога.

– Лех, ты же за рулем, вроде? – затравленно выговорил я.

– Хэ!

Семенов налил водку в рюмку и опрокинул в рот. Его телефон на столе ожил, зажужжал и выдал что-то до боли знакомое... «*Stormbringer*»! Мой старый боевой товарищ оставался верен нашим идеалам!

– Борисыч! – загудел Леха, жуя и влюбленно подмигивая мне двумя васильковыми глазами сразу. – Не, не еду. Слушай, друга встретил, двадцать лет назад потерялись! Двадцать лет, Борисыч!.. Завтра? Ты знаешь, что – я тебе перезвоню... Нет, я перезвоню. Да, давай... Давай!

«Может, нам тоже выпить рюмочку?» – где-то в голове, совсем близко к левому уху колокольчиком прозвенел ласковый детский голосок.

– Я еще махну грамм сто пятьдесят, – сказал мне Семенов, – за руль и после литра нехуй делать, меньше и гонять-то беспонтово. А вот на терки – нежелательно. Ты вообще на колесах, есть тачка?

– Был керогаз. Лет пять, как разбил и продал. Права где-то валяются, поди.

– Права нам не нужны. Я тебя водилой посажу.

Я поднес к губам стакан с водой, отпил маленький глоточек, меня передернуло и ожгло, словно я принял каплю расплавленного олова.

– Знаешь, Леха... Я чувствую, что мне даже пассажиром сейчас прокатиться не светит. Ты про свой «Хаммер»? Ты бы мне еще за штурвал самолета предложил сесть... Хреново мне, понимаешь? Мотор стопарит... Сдохну сейчас, как пить дать.

Семенов замысловато выругался и наклонился ко мне через стол.

– А ты когда тормознул? Вчера? А сколько бухал? Во, бля, нормально! Ты че? Сто грамм – или капельница. Мотор стуканет – и пипец! У меня, знаешь, сколько пацанов ушло на резкой паузе? Ты что, бля! Про Кондратия забыл? Ты ж, вроде, с высшим образованием?

Семенов цапнул мой стакан, выплеснул воду под стол и мигом наполнил на треть из графина, придвинул тарелку с салатом.

– Леха, стой.

Я оторвал взгляд от налитой в стакан жидкости – как пластырь отодрал от незажившей раны – и опять вытер лоб салфеткой.

– Нет, Леша, все, я пас. Я больше не могу. Кондратий, белка – все, что угодно. Только не водка. Может, и капельница... Ты меня...

Мне пришло в голову – *нарезать* после такой встречи уже не получится никак. Если только в Фонтанку с моста...

– Ты меня только не бросай, возьми меня сегодня с собой к татарину в Ялту...

На столе вновь грянул «*Stormbringer*».

– Алле! Здравствуйте. А! А че-то вы у меня не определились.... А.... Да? Оппа! А че он у вас делает?.. Я понял. Трубу ему можете дать? Юрок! Сука, ты как там оказался? Бля, мы же все с тобой расписали, еще позавчера, ты помнишь? Когда, к кому, с чем. Подожди... Кто сказал? Щас...

Леха отнял телефон от головы и встал – как будто вырос под самый потолок.

– Выйду на минутку, курну. А то щас буду так шуметь...

Шуметь Семенов начал сразу, едва сделав шаг от стола. Три полноватые дамы у окна обернулись на него испуганно, но Леха продолжал двигаться, и с потоком крепких матюгов его вынесло за дверь.

Встал он прямо у того же приоткрытого окна, где мы сидели, так что через минуту потревоженным толстушкам пришлось пересесть в дальний угол зала. А я, откровенно говоря, заслушался. Это был превосходный образчик современного русского матерно-делового языка, при том, что Леха и не ругался, вообще не особо и сердился, просто доходчиво объяснял своему партнеру, что надо делать, и что делать было не надо. Леха быстро спалил сигарету, а потом вторую, потому что звонил кому-то еще, и говорил уже на малопонятном жаргоне, и без всякого мата, затем был разговор с каким-то Шамилем – вероятно, с тем самым «пьющим татаринном», живущим у моря, а потом, по всему, с женой или подругой – Семенов называл ее «милая», «солнышко» и ... «колбаска».

Леха был человеком, конечно же, совершенно особенным. Еще в школе меня поражал его дар говорить всем, всегда и при любом раскладе одну правду. Он никогда не обманывал, не преувеличивал, не выдавал за факты чужие домыслы. Много позже, во времена моих отчаянных поисков волшебной таблетки от алкоголизма, я общался со святым старцем в монастыре под Тихвином и вдруг вспомнил Леху – та же душевная простота и детская бесхитрость, только без хулиганства, без скверных словечек.

Однажды Леха запустил в космос кирпичную помойку при школе. Вообще-то его главной целью была сама школа, но то ли ему стало жалко ее в последний момент, то ли он решил сперва потренироваться...

Леха признавался мне, что у него было три большие мечты: взорвать школу, изнасиловать англичанку Дарью Кирилловну, а потом вместе с ней бежать в Америку. Любопытно, но,

в конце концов, все примерно так и случилось! Приблизительно так, как он говорил. Пристройка – это, считай, почти сама школа. И хорошо еще, что в то время здание окружал изрядный пустырь, и взрыв случился ночью. О, но шухер был в ту ночь и наутро – я вам скажу! Сколько ментов понаехало! Мы все до единого знали, что это сделал Леха Дипапл, и – удивительно – никто его не сдал! Люди в сером маячили в школьных коридорах два или три дня, Леха входил в класс героем, как ни в чем не бывало. При всей его громкой славе химика-экспериментатора – непостижимо, как он избежал допроса. Я помню, как к моему другу в первый же день обратился вечно серьезный Владимир Николаевич – наш учитель химии и спросил: Это ты сделал? Леха сказал: я. Кстати, насчет англичанки – так это каждому дураку было ясно, что она к Семенову сама клеится – чем он и воспользовался, как только закончил 8-й класс. А может, и раньше. Насколько я знаю, у них был долгий роман, а потом – Даша и вправду уехала куда-то за рубеж на ПМЖ, только без Лехов... Но к чему я вспомнил эту историю? Я знаю, как мужики разговаривают с женами по телефону, когда собираются вмазать с приятелями: они врут и заискивают или позируют и храбрятся. Леха был предельно честен и прост, он по-прежнему был самим собой. Леха сказал, что очень любит свою «милую колбаску», Мишку и Варьку, но вот, он встретил друга – про которого так много рассказывал! И что мы теперь вместе едем к Шамилю в Репино на пару дней кутить и предаваться головокружительным воспоминаниям. Жаль, что «солнышко» не может присоединиться, а ребенок в лагере, но, вообще-то, это будет такой чисто мужской выезд, типа мальчишника, кто бухать будет, кто дурь курить.

Возражений, видимо, не было никаких – это было понятно: лояльность за открытость – какая еще женщина могла быть рядом с Лехой, человеком с «полиграфом в груди», как выразился про него в свое время наш учитель химии Владимир Николаевич.

Когда Леха вернулся в кафе, я поймал себя на том, что чувствую что-то похожее на укол ревности.

– Ты женат? Ты извини, тут, на самом деле, все как в телевизоре было...

– Что в телевизоре? Ну да, пять лет как. Пацану – одиннадцать, он на спортивных сборах, а Катька с Варькой сидят на даче. Варьке – пять, это уже наша общая.

– А у меня сын, Потапушка, ему шесть. Нет, почти семь.

– Да ты что! Потап? Да за это надо... а, ну да...

– Я ведь почему еще воздерживаюсь: мне его повидать пора. Я его на этих выходных взять хотел, – соврал я.

– Старик! – Семенов долил в стакан остатки водки из графина, одним махом выпил. – Это святое дело. Ехать за ним куда? Нет, давай сегодня к Шамилю, приведем тебя в порядок, помоем-подстрижем, а завтра я тебя отвезу, окей? Может, заберем парня – и к нам в Грибное?

– Я им позвоню. Посмотрим там.... Спасибо, Леш.

Потапушку я не видел уже месяца полтора. В последний раз Лена сказала, что она смертельно устала от моих пьянок – при том, что я уже год жил отдельно, в своей «двушке» на Ермака, и что даже официальный развод со мной не спасет наши отношения (здесь я не совсем уловил логику ее слов), а потом она сообщила, что у нее появился друг, и мальчик, видя его гораздо чаще и получая от него намного больше внимания и тепла, уже начинает путаться и называть его «папой». Мне не хотелось продолжать разговор о детях, я опустил глаза, пытаясь скрыть неловкость и придумать новую тему. К счастью, в следующий момент Леха поднялся, сунул тысячную бумажку под тарелку и потащил меня к выходу.

Мы купили две большие бутылки виски с пятизначными ценниками в магазине на Старо Петергофском. С Обводного канала мы поднялись на западный скоростной и здесь, после терминала оплаты, Леха настоял, чтобы я «немного порулил». Чтобы не ввязываться в спор и успокоить друга, после некоторых колебаний, я пересел-таки на его место, тихонько тронулся и поехал... и поехал, поехал и скоро с удивлением обнаружил, что мне нравится управлять огромным, мощным, но невероятно послушным армейским джипом с VIP-начинкой (там был

даже массажер шиацу под черной кожей сиденья, и, когда Леха включил его, я чуть не выпрыгнул из машины – мне показалось, что ко мне вернулась моя недавняя *белка!*), а главное – что мне становится гораздо легче за рулем, отступает боль, тошнота и паника глубокого похмелья. Особенно классно было лететь по дамбе – Леха курил, в салон врывался настоящий, с запахом рыбы и водорослей, морской воздух, я давил на педаль, сгоняя с полосы пижонов на «Мерсьюках» и «БМВ» и в какой-то миг, кажется, испытал чувство, очень похожее на радость! Леха орал в телефон, разок даже на хорошем английском, а из динамиков долбил крутой джаз-рок.

В то же время, я плохо понимал, что со мной происходит – то ли я еще сплю на своем корабле, и все произошедшее с момента моего мнимого пробуждения – только бред, новый фильм в моем похмельном *синема*тографе, то ли я и вправду сижу за рулем роскошного внедорожника со своим лучшим другом, богачом, хулиганом, и сам я – хулиган, плейбой, мачо, птица Феникс, восставшая из пепла.

– Неопишуемые ощущения, – поделился я, когда мы съехали с КАДа в Лисьем Носу, – никогда не чувствовал себя так комфортно и уверенно на дороге. Еду, вроде, спокойно, не нагую, не быкую, но как, черт возьми, приятно, когда шарахаются в сторону всякие «Порше» и прочая шушера. А всего сто тридцать на спидометре.

– Так у меня спидометр в милях. Забыл тебя предупредить.

– Блин! Это я сейчас по «населенке» не 80, а 120 иду? Слушай, я тебе, наверное, все камеры сегодня собрал...

– Хуйня, не парься. У меня с карты автоматом снимают.

Потом Леха рассказал, наконец, что крутит финансовыми делами, и схемы там не хуже, а то и поинтереснее, чем в радиоприемниках. Он снимает «черную» инкассацию, «сводит наличку» (если я ничего не напутал в терминах) и занимается кое-какими другими, несколько более сложными, в меру деликатными, но уголовно почти чистыми вещами. Попутно, благодаря своей редкой харизме и природному дару вызывать безграничное доверие, практикует партнерство, помогая молодым, но перспективным бизнесменам заявляться на рынке, а еще участвует в разборках серьезных людей на правах третейского судьи.

– Ну, это должность почти что общественная, – разъяснил Семенов, – типа присяжного. Хотя – помогает держать связи и авторитет.

Леха обожает своих детей, старается проводить с ними все свободное время. И только иногда на досуге, как и встарь, может повозиться с разными техническими штучками. Есть даже несколько патентовных внедрений, и ряд приличных компаний использует его разработки в системах слежения и безопасности. А еще год назад он поигрывал на басу в группе «Кому за сто». Здесь имелся в виду вес участников рок-банды, не возраст, пояснил Леха. Но теперь ни музыкой, ни электроникой заниматься некогда. Участились разъезды – Москва, Лондон, офшоры всяческие. В Москве у Лехи с неких пор появилась Большая Любовь. Знает ли жена? Если спросит. Но не спросит. Не дура. К тому же Леха совершенно искренне любит обеих, может, только немного по-разному.

Заехали на АЗС, выпили кофе (пил Леха, я только пригубил, и меня с желчью вывернуло в туалете). Шамиль, по словам Лехи – прикольный парень, хоть и с задвигами (Леха выразился посылнее), как большинство небедных ребят. Я-то – бедный, добавил Леха, у меня даже вертолета нет. Шамиль Лехе чем-то крайне обязан, и дружат они давно, и Шамиль специально прилетел из Харлема – это под Амстердамом, чтобы повидаться с Семеновым. Шамиль силен выпить, знает толк в гашише и галлюциногенах. Никакими делами не занимается вовсе, у него толковый управляющий.

После заправки и двух чашек «американо» Леха сам сел за руль, вклинился в поток машин и – мне показалось, что почти сразу после этого, а может, через пару минут, мы подъехали к высоким железным воротам, а затем – к большому двухэтажному особняку, облицованному камнем, с тонированными окнами и замысловатым флюгером в виде листка канабиса

на толстой каминной трубе. Дом стоял в плотном сосновом лесу, на участке размером, пожалуй, с хорошее футбольное поле. В глубине леса виднелась деревянная беседка, к которой вела присыпанная чем-то красноватым аккуратная дорожка. Со всех сторон территорию окружала солидная крепостная стена, а в дальнем углу и вправду виднелся небольшой, зачехленный камуфляжной сеткой вертолетик.

3

Шамиль оказался смугловатым мужчиной невысокого роста лет сорока пяти с почти совсем славянскими чертами худого, тонкого лица. Одет он был в простые шорты и футболку – тонкие руки и ноги и небольшое брюшко «бемольчиком». Со мной Шамиль поздоровался сдержанно, руку пожал вяло, а вот с Лехой они довольно долго обнимались, и Шамиль шурился – это была его улыбка, которую я увидел тогда у него один единственный раз.

Просторный дом, демократичная «икеевская» мебель. Но полы повсюду, даже на кухне, выложены натуральным дубом, а на стенах повешены картины в очень стильных рамах.

В гостиной на широком полотне художник акварелью выписал изрядный кусок пляжа нудистов, со всеми анатомическими подробностями множества обнаженных человеческих тел, которые, как оказалось при ближайшем рассмотрении, принадлежали только молодым женщинам и детям. На противоположной стене выделялась работа похлеще – я увидел вовсе адскую средневековую групповуху с толстыми, явно нетрезвыми бабами, чертями и скелетами под Иеронима Босха. В то же время я обнаружил в сюжете неприметные на первый взгляд атрибуты современного офиса и предположил, что автор шедевра, вероятно, хотел показать публике зловещий смысл рядового российского корпоратива.

Картин было много, но я не успел рассмотреть и половину тех, что висели в лаунже, как меня позвали на веранду и дальше – в банный комплекс.

Именно так, подумал я тогда, и должны были выглядеть классические римские бани – ни столов, ни стульев, лишь куча подушек на широком ортопедическом подиуме среди приземистых подставок с едой и напитками, на фоне которых живописно выделялись монументальные вазы с фруктами, икра и свежеприготовленное мясо. Журчал фонтан, стеклянные двери на лужайку были раскрыты, чуть поодаль виднелся бассейн, рядом с которым на застеленных лежаках загорали четыре девушки, две из них – топлесс.

Девушки негромко разговаривали, покачивая бокалами. Миниатюрная брюнеточка курила трубку. Это было красиво! Я невольно засмотрелся на нее. Леха смеялся: он два раза звал меня по имени, а я не слышал, уплыв на волне какого-то внезапного гипнотического транса.

Я даже не сразу понял, что впечатления последнего часа – гонка на «Хаммере», Лехины рассказы, картины Шамиля, нереальные, будто «компьютерные», полураздетые феи на лужайке, как-то незаметно, исподволь пригасили мою похмельную муку, мою агонию физического умирания. Когда-то мой бодун был маленьким шаловливым зверьком. Долгие годы, с каждым новым моим полетом в пустоту он рос и менял свое обличье. Сегодня утром он пришел – огромным, безликим, ледяным истуканом и сразу смял мою грудь тяжелой ножищей. Был он страшен и неумолим, как смерть... И вдруг он ступевался! Он убрал свою каменную лапу! Нет, он не ушел, не исчез. Он стоял рядом, а мое тело было все так же раздавлено, покорёжено и грубо брошено у самого адова котла. Но теперь, кажется, я смог элементарно отвлечься от всего этого дерьма, сфокусироваться на чем-то спасительно позитивном, ибо мне вернули способность ползать, портить воздух и выпускать изо рта слюну. Иными словами, противно было точно так же, но уже как бы с перерывами...

Тем временем Семенов успел раздеться и опоясаться махровым полотенцем.

– На кого уставился? – крикнул он. – Тут не все наши!

– Я смотрю, – сказал я, – кто из них на лютне играть будет.

Оказывается, я уже мог шутить!

– На твоей лютне? Вон, выбирай. Обе беленькие – для гостей.

Я смутился.

– Вообще-то я не то имел в виду...

– Давай, снимай штаны, падай к нам!

Теперь я смотрел на Лехины наколки на его плечах и груди – именно наколки, не новомодное тату. Леха, безусловно, постарел, расплылся, но в нем по-прежнему чувствовалась сила и мощь – может, даже еще больше, чем когда-то.

Шамиль, в небесно-голубом халате, возлежал рядом с ним, в ногах у него на корточках примостился мужчина яркой среднеазиатской наружности, ловко забивавший в папиросные гильзы мохнатые бошки афганки.

– Алексей сказал – ты не пьешь, – обратился ко мне Шамиль, – но курить не откажешься. Сегодня – видишь, мы по старинке, без бульбультора.

Вопросительной интонации в прозвучавших словах я не услышал и поэтому сообразил – да, курить, конечно, придется. Отказываться – значит, обижать хозяина, особенно, когда имеешь дело с восточным человеком.

Аман – так звали слугу Шамяля, ходил к нашему «Хаммеру» за коробками (как будто на столе не хватало выпивки и еды, подумал я). Сказочная коллекция бутылок пополнилась Лехиным *Гленфиддиком* и *Далмором* с пробкой в виде оленьей головы.

Шамиль позвал девушек. Они подошли организованно, тренированной модельной поступью – о, я такое видел не раз: так они двигаются, когда мамка в борделе демонстрирует гостям свой сладкий ассортимент. На влажных губах – кроткие улыбки, руки – за спиной – это должно изображать смущение и визуально увеличивает грудь, они бесспорно умеют все, но при этом являются, как бы, еще совсем свежим, мало используемым, товаром. Плавные движения соблазнительных тел, призывно смеющиеся глаза (выбери меня!) и вполне целомудренный румянец на щечках. Хотя, вообще-то, на обычных проститутках, к которым я раньше забегал на часок, эти юные нимфы походили очень мало. Представить их работающими на заказ подневольными жрицами любви, каких я покупал прежде, поспешил мой забитый стереотипами мозг. Они были молоды, вряд ли старше девятнадцати-двадцати, и, случись они, действительно, девочками из эскорта, их сутенер имел бы полное право запросить за каждую столько, сколько я, наверное, не потратил на любовь за всю свою жизнь.

Черненькая Гуля оказалась дочерью Шамяля, Эля – маленькое чудо с трубкой – ее подружкой и однокурсницей. Она одна держалась небрежно, смотрела мимо нас, отрешенно пуская дымок. А вот другие девушки, блондинки (ради церемонии знакомства прикрывшие свою наготу белыми шарфиками) – Оля и Катя, как выяснилось позже, работали в модельном агентстве и еще танцевали в шоу, и никакого интима за деньги, разве что – за хорошие подарки, и то – смотря от кого. Музыкальными инструментами ни одна из них не владела, тем более, лютней (и шутки моей никто не понял). Все это мне рассказал Леха, когда мы купались в бассейне. А жаль, добавил он, что Шамиль не жалуется оргии, я люблю буйный беспредел, помнишь Ленкину дачу? Ты их не слушай – которые беленькие, врут, дают направо и налево, но только в пределах этой фазенды. Так что – лови момент, не зевай...

Выпивали Леха и Шамиль красиво. Реликтовый вискарь так томно чпокал, переливаясь из причудливых бутылок в толстостенные стаканы, так играл и подмигивал янтарными бликами в закатных лучах, источал такой невозможный аромат, такое благоухание далеких ирландских лугов, усыпанных колокольчиками и огненно-рыжими девчонками, что я, против всех правил приличия, трусливо бежал от компании – сначала в баню, где молчаливый Аман поливал на камни настой трав и обмахивал меня большим камышовым веером, а потом – в воду, ну, а затем Шамиль «взорвал» косяк.

Я не курил план уже лет семь, а то и больше. Еще раньше перестал покупать сигареты. Колочий дым «афганки» шарахнул мне в голову, как бильярдный кий по костяному шару! Меня не просто «накрыло», после третьей затяжки я в одно мгновение потерял свое тело, и оно повалилось на бок, будто из меня разом вытащили весь скелет.

Бессмысленно описывать ощущения человека в состоянии мощной укурки, те, кто испытал такое, меня поймут. Это совершенно нелепое положение. Какие-то грубые исполинские существа с размытыми контурами – родные братья моего эволюционировавшего мучителя *Бодуна*, двигаясь по обе стороны границы миров бесконечно долго играли мною в пинг-понг... так что меня, в конце концов, банально укачало и вытошнило в услужливо подставленный Аманом тазик. Вот чем только тошнило? Я ведь неделю ничего не ел... Стыдно, неудобно, но мысль – только одна: скорее бы отпустило...

Потихоньку отпускало позже под струями прохладной воды в душе. Ноги еще подгибались, голова была – как чугунный мухомор на тонкой ножке. Классический «передоз». Очаровательная танцовщица с едва прикрытыми грудками – Оля или Катя, принесла мне крепкий чай с лимоном и немного повертелась передо мной – видимо, чтобы переключить мои чувства на что-то более приятное и полезное. Я вспомнил, как мои одноклассники учили меня пить портвейн «Агдам»: дабы я смог проглотить отвратительную едкую бурду, ставили передо мной картинку от упаковки женских колготок. В наше время эти ногастые фотодивы ширпотреба считались реальными секс-бомбами... А я все равно блевал...

Больной и измученный, я бродил по дорожкам участка, завернувшись в халат, белая ночь дразнила меня прохладой, и внезапно впервые за несколько часов, проведенных в гостях, я почувствовал запах сосен...

– Тачка – в говно! – кричал Семенов, размахивая сигаретой. – В ленту Мебиуса! Четыре ребра сломано, в ключице трещина, гематома на всю харю, колено свернуто! Убрался – мама не горюй!

– Зажало глухо, – рассказывал Шамиль, когда я подошел после очередного круга по дорожкам, – приехали эмчезники, вырезали по кускам. Одна нога загнулась в крендель, с хорошим таким открытым переломом, я думал, мне ее еще и отпилят нахрен до кучи. По кости болгаркой проехали. Кровищи было...

– Ты как? – обнял меня Леха, и я почувствовал амбре дорогого скотча. – Ты помнишь, как мы у Генки на Зайцева весь пластилин за день спыхали? У, какая гыча была! Зря мы тебе такую сильную мастень заштaketили. Прикинь, каков я мудак. Подумал – кочергу перешибет, чтоб тебе полегче было. Э, а ты уверен?

Леха легонько похлопал меня по плечу. Только тогда я заметил, что держу в руке стакан и бутылку виски. Не отвечая ему, без каких-либо особенных мыслей я налил себе на большой глоток, поднес ко рту и выпил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.